

Научно-практическая
УДК 316.334
DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.2.07

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСФУНКЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Владимир Ильич Савинков¹, Дарья Михайловна Мошкова² ✉

¹ *Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
visavinkov@senat.gov.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1544-1605>*

² *Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
d.m.moshkova@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0546-3050>*

Аннотация. В статье рассмотрены результаты социологического исследования практики дистанционного образования в экстремальных условиях (эпидемия COVID-19) самоизоляции студентов и преподавателей технических вузов. Доказывается гипотеза, что в условиях экстремальных ситуаций само по себе техническое обеспечение дистанционной коммуникации преподавателя и студента не гарантирует качество образования, так как в условиях форс-мажора самоизоляция участников учебного процесса сопровождается психическим дискомфортом, который носит длительный характер и не менее чем у четверти студентов и преподавателей может перерасти в устойчивую фобию даже после завершения самоизоляции. В этом случае интенсивное стремление ряда вузов к перманентной цифровизации образования и его полного перевода на дистанционную основу сродни лидерству в сфере торговли компьютерной техникой. Кроме того, рассредоточение участников образовательного процесса является деструктивным с позиции социализации и формирования гражданского сознания, гражданской консолидации будущей интеллигенции.

Ключевые слова: форс-мажорная ситуация, дистанционное образование, консолидация молодежи, социализация студентов, формирование гражданского сознания, интерактивные учебники, эффективность учебного процесса

Scientific and practical article

УДК 316.334

DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.2.07

SOCIAL DYSFUNCTION OF REMOTE EDUCATION

Vladimir I. Savinkov¹, Daria M. Moshkova² ✉

¹ Russian State Social University, Moscow, Russia,
visavinkov@senat.gov.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1544-1605>

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
d.m.moshkova@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0546-3050>

Abstract. The article considers the results of a sociological research of the practice of distance education in extreme conditions (the COVID-19 epidemic) of self-isolation of students and teachers of technical universities. The hypothesis is proved that in the conditions of extreme situations, the technical support of remote communication between the teacher and the student does not in itself guarantee the quality of education, since in the conditions of force majeure, the self-isolation of the participants in the educational process is accompanied by mental discomfort, which is long-term and does not less than a quarter of students and teachers can develop into a persistent phobia even after the end of self-isolation. In this case, the intense desire of a number of universities for the permanent digitalization of education and its complete transfer to a remote basis is akin to dealership in the field of computer equipment trade. In addition, the dispersal of participants in the educational process is destructive from the standpoint of socialization and the formation of civic consciousness, the civic consolidation of the future intelligentsia.

Keywords: force majeure situation, distance education, youth consolidation, student socialization, formation of civic consciousness, interactive textbooks, effectiveness of the educational process

Для цитирования: Савинков, В. И., Мошков, Д. М. (2022). Социальная дисфункция дистанционного образования. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология»*, 16(2), 116–142. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.2.07>

For citation: Savinkov, V. I., Moshkov, D. M. (2022). Social dysfunction of remote education. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 16(2), 116–142. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.2.07>

Введение

Возникшая в 2020 году пандемия COVID-19 отличается тем, что наряду с медицинскими мероприятиями предприняты масштабные меры административно-социального характера по всем направлениям жизнедеятельности населения. Эти меры отличаются от аналогичных мер, принимавшихся в истории чрезвычайных ситуаций, например военного

времени или в условиях природных катаклизмов, тем, что вынужденно вводится директивный запрет на контактные групповые коммуникации.

Меры самоизоляции распространяются также на студентов и преподавателей организаций профессионального образования. Наряду с явными техническими неудобствами в организации учебного процесса, вызванными оперативным характером принятых административных мер по переводу образования на дистанционную форму, правомерно сформулировать гипотезу, согласно которой переход участников образовательного процесса на самоизоляцию вносит деструктивный вклад в гражданскую социализацию молодежи, формирование консолидации гражданского самосознания будущей интеллигенции.

В связи с отсутствием в стране опыта массовой организации дистанционного образования проверка гипотезы о деструктивном влиянии территориального рассредоточения акторов учебного процесса на социализацию студентов возможна при помощи социологического исследования динамического характера.

Анализ литературы

Дистанционное образование как форма подготовки в вузах специалистов не является новой формой: как заочное обучение оно было широко распространено в стране в советский период. Поэтому всплеск интереса к дистанционному образованию в последние два десятилетия простимулирован появлением новых технических возможностей массовой коммуникации, но отнюдь не изменением контентной технологии самого процесса образования. Об этом свидетельствует и направленность методической литературы по дистанционному образованию, которая является как бы рекламой для широкого внедрения электронной техники в учебный процесс. При этом никто не считается с тем, что электронные интерактивные учебники практически отсутствуют, они подменяются размещением в интернет-сети pdf-варианта оригинал-макета учебника, предлагается чтение текста на бумажном носителе заменить чтением того же текста на электронном носителе (Никуличева, 2021). Нет также вразумительного разъяснения того, как преподавать через компьютер практику, например медикам, аграриям, инженерам, — эту проблему умалчивают (Нагаева, 2018). Несмотря на повышенное внимание исследователей к проблематике образования в новых информационно-технологических условиях, они обходят вниманием проблему дисфункционального влияния дистанционного образования на процесс социализации молодежи, хотя в традиционной литературе важность этой проблемы акцентируется (Горшков и Шереги, 2020). И это при том, что особенности поведения человека в условиях эпидемии детально рассмотрены на примерах мирового опыта, в частности в работе П. Сорокина (2012, с. 17, 23–24), а психические дисфункции дистанционного образования в условиях самоизоляции — в работе В. Савинкова и Д. Мошковой (2022), Ф. Э. Шереги, А. В. Кириченко и М. Н. Стриханова (2017), Г. А. Ключарева (2020),

Д. Л. Константиновского (2020). Ряд ученых уделяет внимание модернизации экспорта образовательных услуг в условиях дистанционного образования (Арефьев и др., 2019). За рубежом ученые фокусируют свои исследования на проблемах обучения ребенка в семье в условиях самоизоляции (Sonnenschein et al., 2022; Gayatri, 2020; Bonnevie, Cyvin, 2022). Также выявляются сложности проведения практических занятий в условиях дистанционного образования (Jensen, Ottesen, 2022; Adama, Metljakb, 2022), вероятности стрессовых ситуаций у студентов при длительном нахождении в изоляции в замкнутом пространстве (Villaume et al., 2021).

Современные тенденции

В настоящее время основное внимание специалистов направлено на изучение возможности перманентного внедрения техники и повсеместного распространения дистанционного образования, т. е. они выступают как бы непроизвольными провайдерами производителей компьютерной техники, мало вникая в экономические и социальные последствия подготовки специалистов в результате такого «аврального» нововведения. Имеет место инициатива по созданию тезауруса дистанционного обучения, разработки нормативов регулирования такого обучения. Делаются попытки осуществить классификацию приоритетных областей применения дистанционного обучения, внедрения формы контроля в дистанционном обучении, предлагаются методы подготовки преподавателей дистанционного обучения.

При обсуждении вопросов дистанционного обучения специалисты не ведут речи об условиях форс-мажора, который, учитывая COVID-19, в действительности и явился причиной единовременного массового перехода организаций образования к дистанционной форме обучения, причем в вынужденном порядке, без учета того, подготовлены или не подготовлены технически и технологически организации образования к неожиданному массовому нововведению. Не обсуждается ситуация психического стресса, глубоко рассматриваемого учеными в последнее столетие. Хотя сочетание технических аспектов дистанционного образования с деструктивными последствиями в условиях форс-мажорной ситуации вполне можно изучить методами прикладной социологии.

Методы исследования

Объект исследования: студенты и преподаватели технических вузов.

Предмет исследования: изучение и обобщение опыта дистанционного образования в условиях форсмажорной ситуации, включающей вынужденную санитарную самоизоляцию.

Вид исследования: лонгитюдное измерение организации образовательного процесса и психического самочувствия студентов и преподавателей технических

вузов в условиях самоизоляции по причине эпидемии COVID-19. Сопоставление психического самочувствия осуществлялось в 2020 году в три этапа: середина марта (объявление эпидемии), середина апреля (объявление начала самоизоляции), середина июня (объявление окончания самоизоляции).

Логистика сбора первичной информации строится по следующей структуре (см. рис. 1 и 2). Логические схемы включают индикаторы, которые легли в основу построения социологической анкеты для опроса студентов.

Рис. 1. Индикаторы участия студентов в дистанционном образовании

Fig. 1. Indicators of student participation in distance education

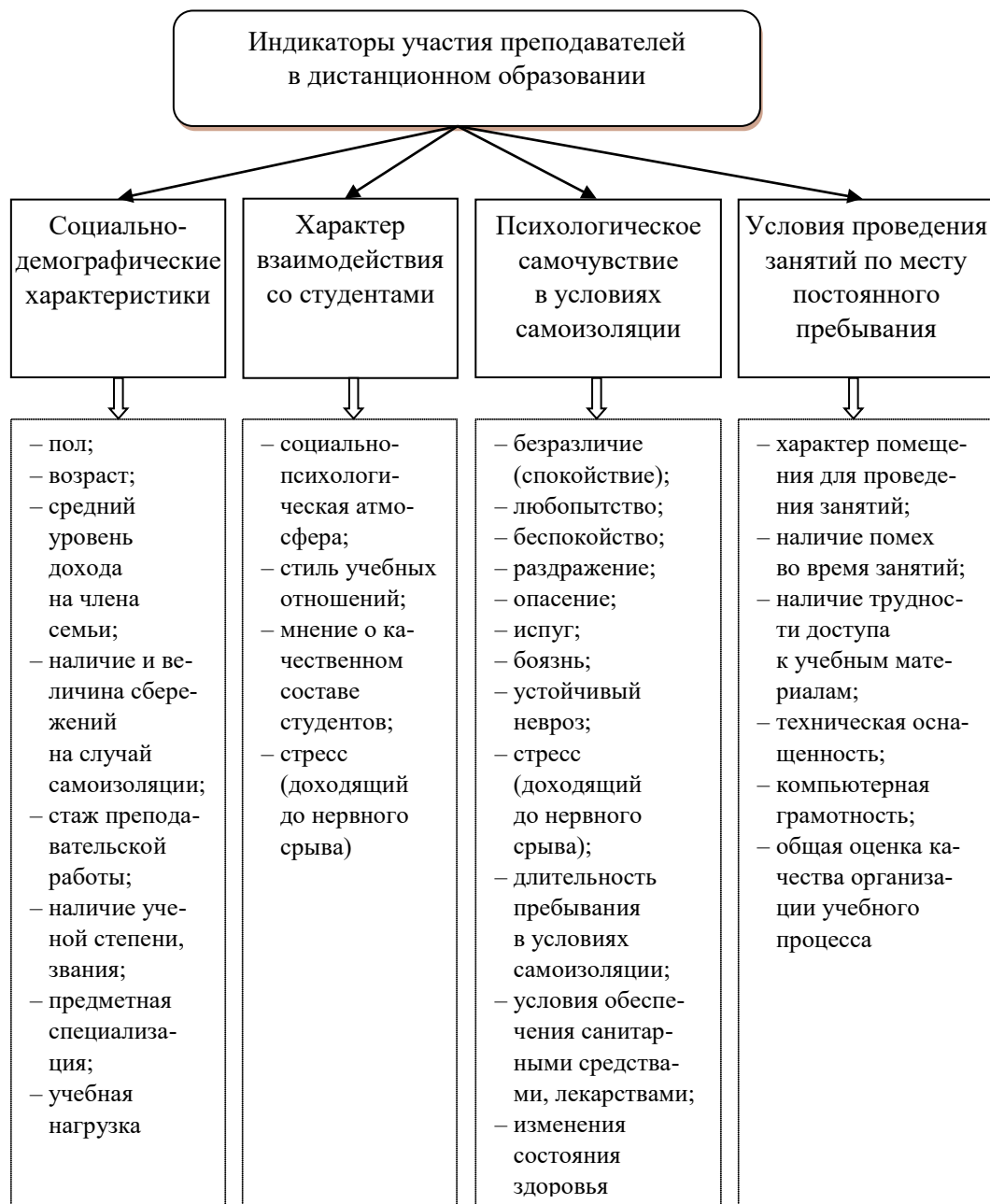

Рис. 2. Индикаторы участия преподавателей в дистанционном образовании

Fig. 2. Indicators of university lecturer participation in distance education

Результаты исследования

Структура бюджета времени студентов во время вынужденной самоизоляции

Анализ практики оперативного внедрения дистанционного образования в технических университетах за период середина марта – середина июня 2020 года свидетельствует о том, что неправомерно говорить о заранее запланированном методическом внедрении в учебный процесс новой технологии коммуникации как следствия технического прогресса. Это массовый директивно регулируемый *экстренный переход к дистанционной форме обучения студентов в условиях экстремальной ситуации*, в данном случае, по причине пандемии COVID-19, независимо от степени технической подготовленности вузов к данной форме образования. Но специфика заключается не только в этом. Так как обучение студентов проходит в условиях экстремальной ситуации, неминуемо имеет место психическая напряженность довольно большой части преподавателей и студентов. Следовательно, в случае перехода к дистанционному образованию в условиях форс-мажора, каковые также характерны для эпидемий, говорить о стандартных условиях обучения неправомерно. Из этого также следует, что качество образования страдает в первую очередь из-за сформировавшихся условий форс-мажора, что при высокой, что при низкой технической подготовленности вузов к дистанционному обучению.

В условиях самоизоляции длительное переживание индивидом таких чувств, как *боязнь, устойчивый невроз, стресс*, приводит к формированию *фобий*, что является серьезным психическим заболеванием, которое в каждом случае вынужденной самоизоляции ведет к дезинтеграции внимания студента.

Всего студенты технических вузов с середины апреля до середины июня 2020 года находились на самоизоляции в среднем 70 дней. Длительность нахождения в условиях самоизоляции большинство студентов считали приемлемой или незначительной.

Как изменилась структура распределения учебного и внеучебного времени студентов в условиях длительной самоизоляции?

Результаты измерения средненедельного бюджета времени студентов (исключены 8 часов, затрачиваемых студентами для сна) в период самоизоляции свидетельствует о том, что для них понятие самоизоляции в какой-то степени было относительным и бюджет времени был наполнен не только самоизоляцией «в комнате». На рисунке 3 отображена доля студентов, выполнявших в условиях самоизоляции тот или иной вид деятельности в течение недели. Каждый второй студент не лишал себя возможности погулять на природе, встретиться с друзьями; велика доля занимавшихся спортом. Не все студенты занимались ежедневно учебой, по-видимому, это можно отнести на счет сессионного периода (середина июня), когда нет регулярных занятий ежедневно.

Рис. 3. Доля студентов, выполнявших в условиях самоизоляции различные виды деятельности, без учета времени, затрачиваемого на сон, %

Fig. 3. Percentage of students who performed various activities in conditions of self-isolation, excluding the time spent on sleep, %

На рисунке 4 отображена нормированная (под 100 %) доля времени, затрачивавшегося студентами технических вузов на различные виды деятельности в условиях самоизоляции (в среднем в течение недели, без учета времени, затрачиваемого на сон). В условиях самоизоляции основную часть времени в течение недели, нормированного под 100 % (за вычетом времени для сна), студенты тратили на учебу, игры на компьютере, занятия своим хобби, встречу с друзьями и подругами. Эти четыре вида деятельности в совокупности занимали у студентов 52,2 % времени в течение недели. Занятия развлекательного (досугового) характера (просмотр фильмов, чтение, прослушивание музыки, игры и т. д.) занимали 19,4 %, прогулки на природе и занятие спортом — 13,6 %, встреча с друзьями, знакомыми — 8,7 % времени в общем объеме деятельности студентов в течение недели в условиях самоизоляции.

Если предположить, что на сон студенты тратили в среднем 8 часов и еще 2 часа на биолого-рекреационные потребности (умывание, одевание и др.), тогда в условиях самоизоляции на все остальные виды деятельности у студентов остается в среднем 14 часов в сутки. Если исходить из среднего показателя — 6 часов занятий очной формы в течение 6 дней, т. е. в неделю — 36 часов, и экстраполировать занятия и на воскресенье (самоподготовка), тогда правомерно заключить,

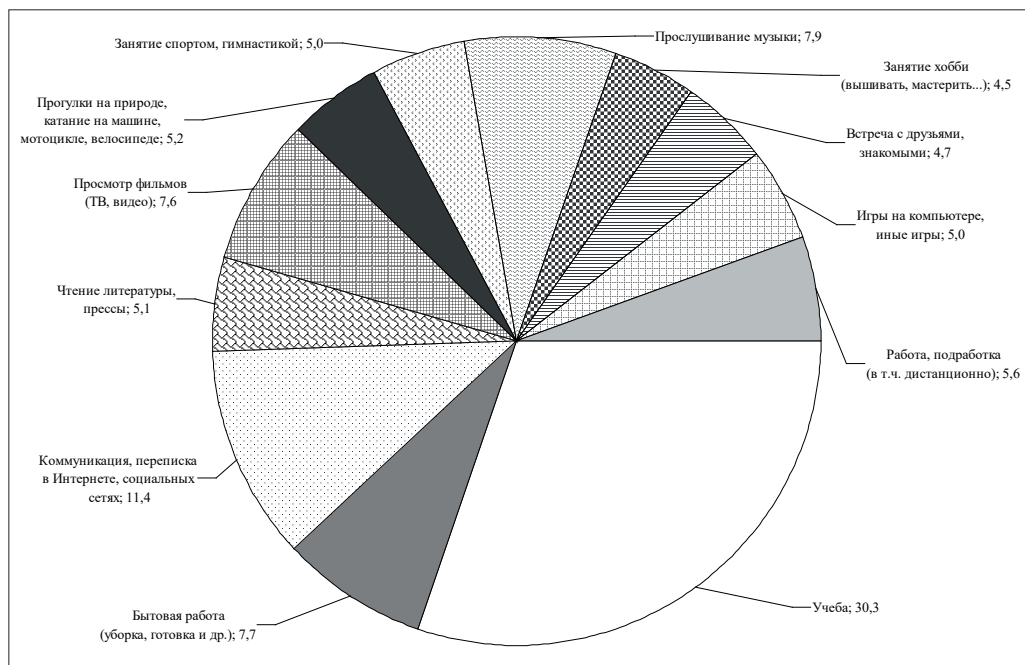

Рис. 4. Нормированная (под 100 %) доля времени, которое студенты тратили в среднем в течение недели на различные виды деятельности, без учета времени, затрачиваемого на сон, %

Fig. 4. Normalized (under 100 %) the share of time that students spent on average during the week on various activities, excluding the time spent on sleep, %

что при очном обучении студенты занимаются в сутки в среднем 5,1 часов. Соотнося время, затрачиваемое студентами технических вузов в условиях самоизоляции ежесуточно на учебу (4,2 часов) с временем, которое они затрачивают на учебу в условиях очного обучения (5,1 часов), получим, что при очном обучении время, затрачиваемое студентами на обучение, на 17,6 %, или на 0,9 часов (примерно на час в сутки), больше, чем при дистанционном обучении, следовательно, учебный год студентов сокращается в среднем на один месяц.

Психическое самочувствие студентов и преподавателей в период эпидемии

Психическое самочувствие студентов измерялось в динамике по следующим временным интервалам: 1) на день, когда студенты узнали, что в стране возникла эпидемия COVID-19 (середина марта); 2) на день, когда они узнали, что в России, в том числе для студентов вузов, вводится самоизоляция (середина апреля); 3) на день проведения среди студентов и преподавателей технических вузов социологического опроса (середина июня).

Для сопоставления динамики психологического самочувствия студентов в интегральных показателях осуществлена группировка показателей в три типа:

- 1) *уравновешенное состояние*: безразличие, спокойствие, любопытство;
- 2) *психологический дискомфорт*: беспокойство, раздражение, опасение;
- 3) *психологическое напряжение*: испуг, боязнь, устойчивый невроз, стресс.

На рисунке 5 видно, что за три месяца — со дня объявления в стране эпидемии и до середины июня — доля студентов с уравновешенным психическим самочувствием увеличилась всего на 10 %, за этот же период на 15 % уменьшилась доля студентов, ощущающих психологический дискомфорт, а доля ощущающих психологическое напряжение практически не изменилась, однако была относительно небольшой. Аналогичная картина наблюдалась у преподавателей (см. рис. 6).

При сравнении психического самочувствия преподавателей и студентов за период эпидемии и пребывания на самоизоляции (см. рис. 5 и 6) складывается следующая картина:

– доля преподавателей, для которых в период эпидемии и самоизоляции была характерной психической уравновешенность, за 3 месяца увеличилась на 30 %, этот же показатель у студентов составил 10 %;

– доля преподавателей, для которых в период эпидемии и самоизоляции был характерен психический дискомфорт, за 3 месяца уменьшилась на 30 %, этот же показатель у студентов составил 15 %;

– доля преподавателей, для которых в период эпидемии и самоизоляции было характерным психическое напряжение, за 3 месяца уменьшилась на 3 %, этот же показатель у студентов увеличился на 3 %.

Если суммировать респондентов, для которых за период эпидемии и самоизоляции были характерными психический дискомфорт и психическое напряжение, то судя по данным на рисунке 7, такое состояние в день объявления эпидемии (в середине марта) было характерным для 70 %, а в середине июня — для 40 % преподавателей; эта пара показателей составляет для студентов соответственно — 45 % и 35 %.

Чем хуже состояние здоровья студентов, тем больше среди них доля ощутивших за время самоизоляции ухудшение своего физического и психического состояния, однако такое ухудшение не избежали и те студенты, кто оценивал свое здоровье положительно (см. рис. 8 и 9).

В целом за время пребывания на самоизоляции у 35 % преподавателей состояние здоровья ухудшилось, особенно у тех, кто болел до самоизоляции (см. рис. 10).

Состояние здоровья студентов на самоизоляции менялось в худшую сторону в том случае, если условия пребывания на самоизоляции были неблагоприятными. Меньше доля тех, у кого за период самоизоляции ощущалось физическое или психическое самочувствие, среди занимавшихся спортом, физкультурой или домашним физическим трудом (см. рис. 11).

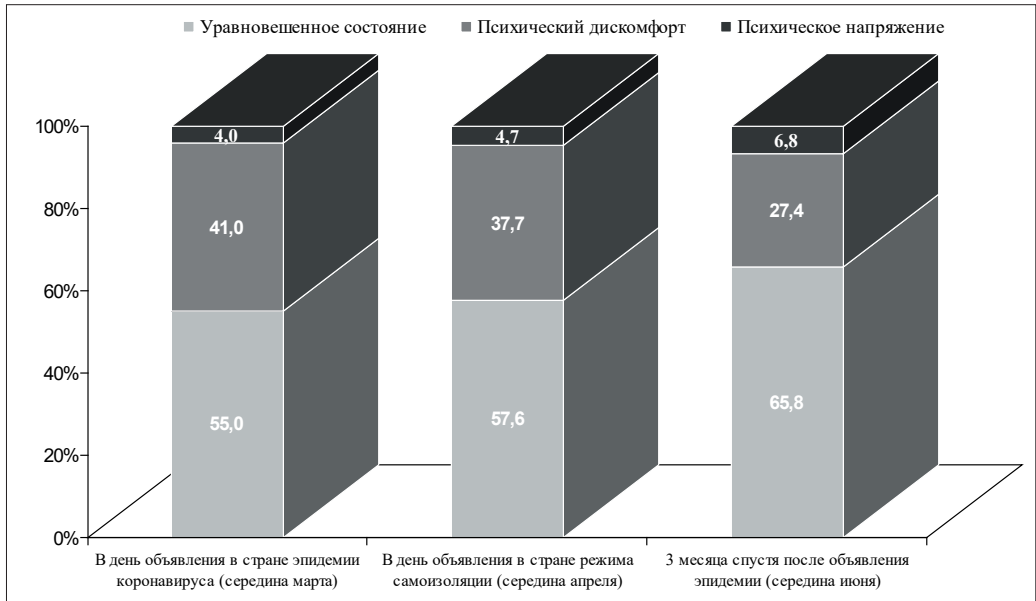

Рис. 5. Динамика психического самочувствия российских студентов, %

Fig. 5. Dynamics of mental well-being of Russian students, %

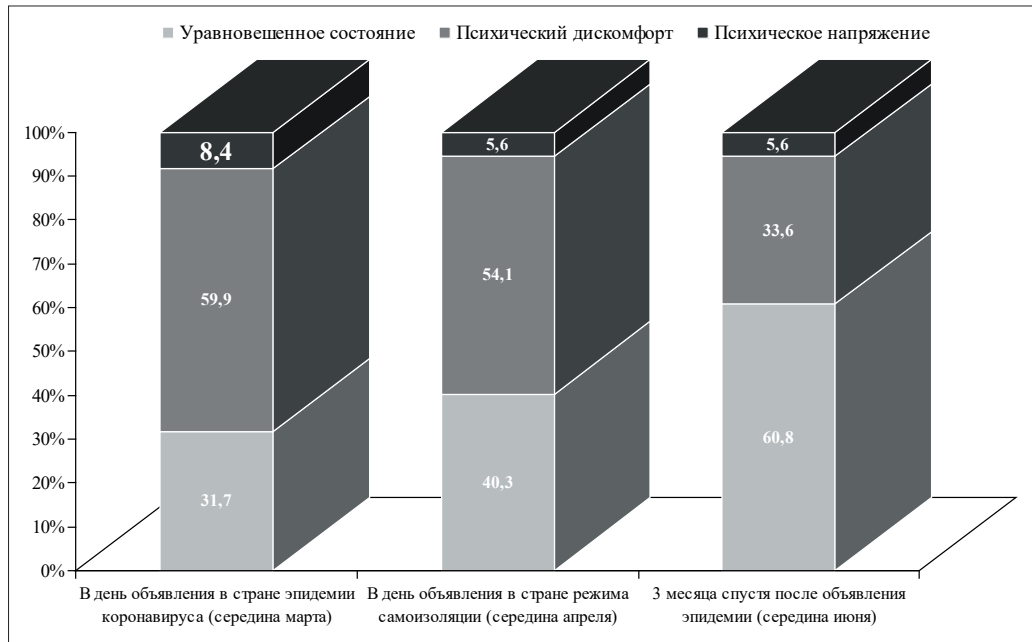

Рис. 6. Динамика психического самочувствия преподавателей, %

Fig. 6. Dynamics of mental well-being of university lecturers, %

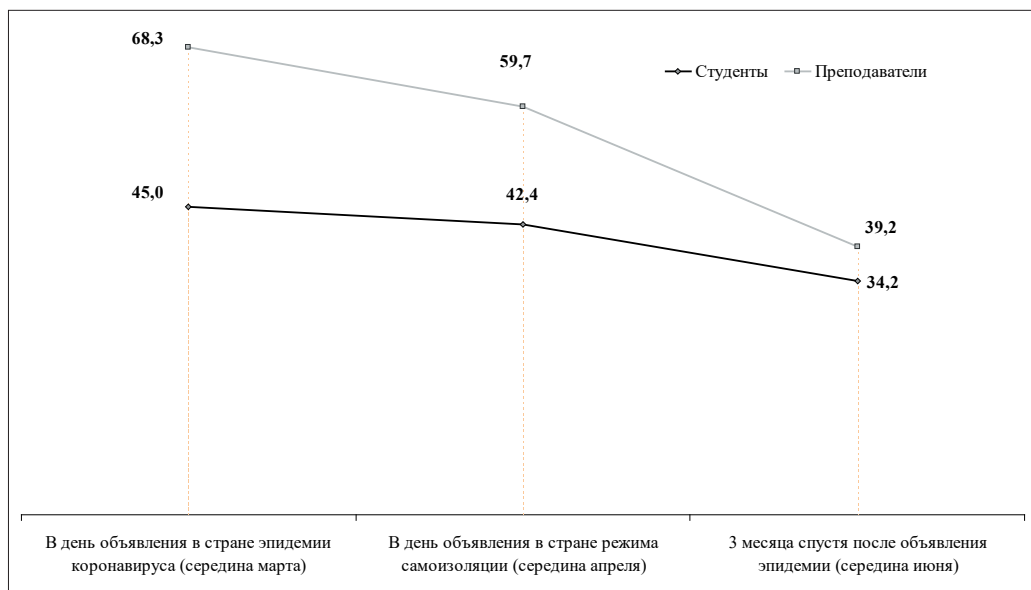

Рис. 7. Динамика суммарной доли респондентов, для которых в период эпидемии и самоизоляции было характерным неблагоприятное психическое самочувствие (психический дискомфорт или психическое напряжение), %

Fig. 7. Dynamics of the total share of respondents who during the period of the epidemic and self-isolation were characterized by unfavorable mental health (mental discomfort or mental stress), %

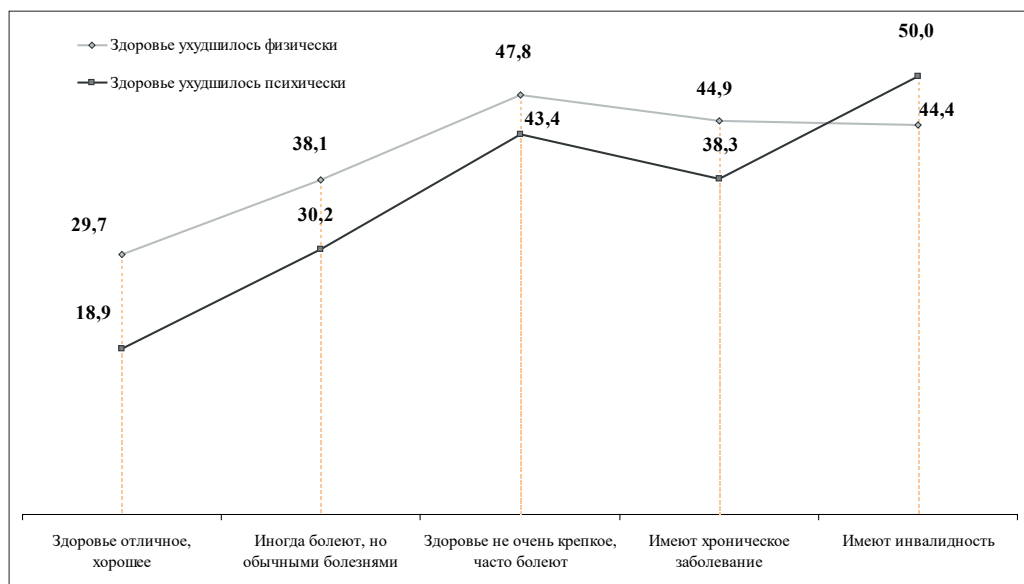

Рис. 8. Изменение состояния здоровья студентов после самоизоляции в зависимости от состояния здоровья до самоизоляции, %

Fig. 8. Change in the health status of students after self-isolation depending on the state of health before self-isolation, %

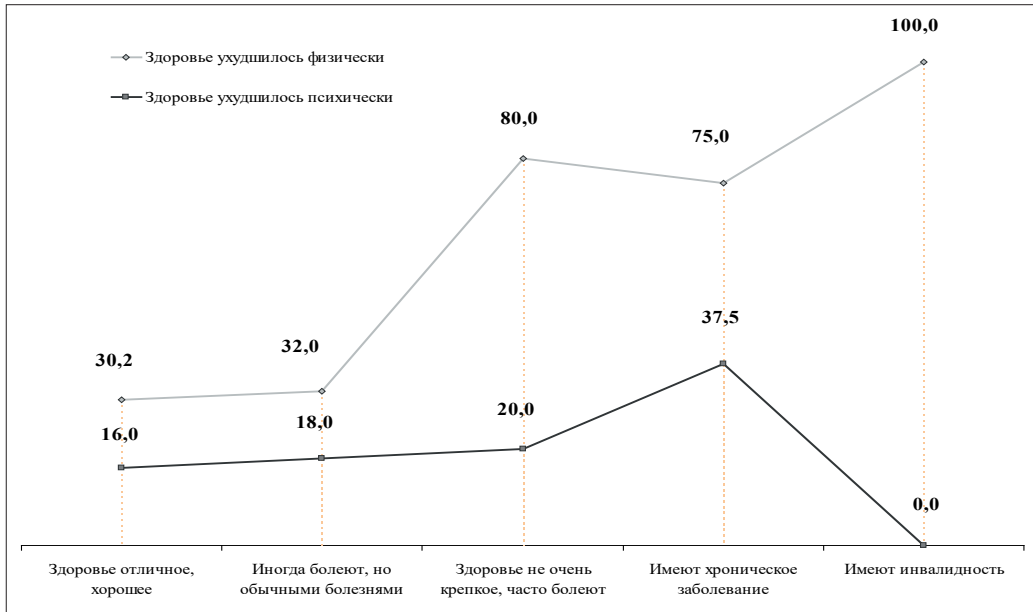

Рис. 9. Изменение состояния здоровья иностранных студентов после самоизоляции в зависимости от состояния здоровья до самоизоляции, %

Fig. 9. Change in the health status of foreign students after self-isolation depending on the state of health before self-isolation, %

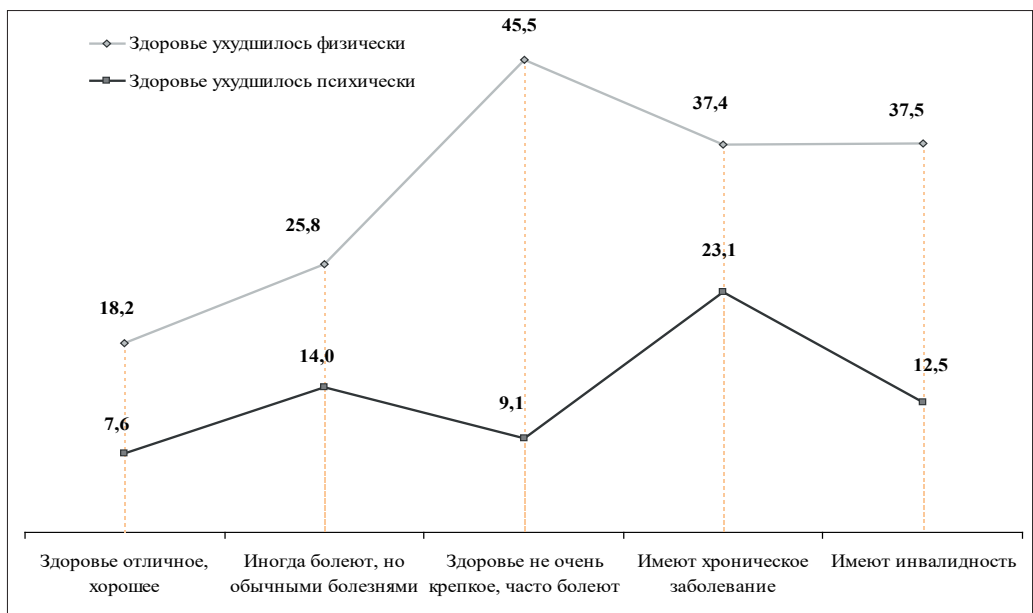

Рис. 10. Изменение состояния здоровья преподавателей после самоизоляции в зависимости от состояния здоровья до самоизоляции, %

Fig. 10. Change in the health status of university lecturers after self-isolation depending on the state of health before self-isolation, %

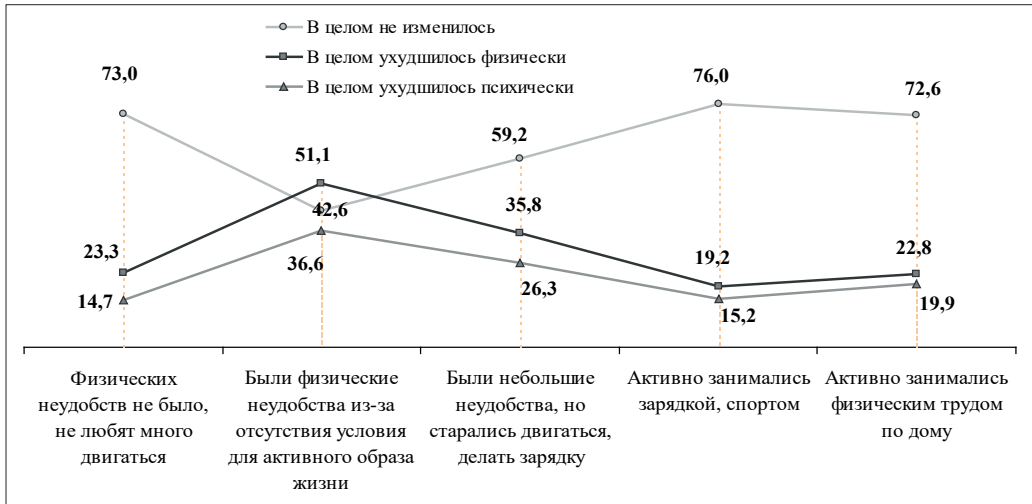

Рис. 11. Изменение состояния здоровья студентов в зависимости от наличия физических неудобств в период самоизоляции, %

Fig. 11. Changes in the health status of students depending on the presence of physical inconvenience during the period of self-isolation, %

Вопреки ожидаемому, на начальной стадии самоизоляции психическое напряжение было наименьшим у тех студентов, у которых имеются проблемы со здоровьем, однако к концу самоизоляции именно у этих студентов проявилась фобия и спокойствие у них переросло в психическое напряжение (в случае инвалидов — у каждого второго).

Дискомфорт во время нахождения на самоизоляции

Не соблюдали требования самоизоляции среди студентов технических вузов 5,3 %, среди преподавателей — 8,1 %. Не менее 80 % студентов в период самоизоляции находились дома, в кругу семьи, 12 % — в общежитии университета, 8 % — у друзей или в арендованной квартире.

Наличие физических неудобств во время самоизоляции в целом не зависело от места проживания студентов (см. рис. 12), это было, скорее всего, *неудобство по причине изменения привычного ритма жизни*. Каждый второй студент, независимо от места проживания в период самоизоляции, старался делать зарядку или заниматься спортом, часть среди них, в первую очередь среди проживавших в период самоизоляции в сельских поселениях или малых городах, активно занимались работой по домашнему хозяйству.

Физический дискомфорт наблюдался и у преподавателей вузов. Причем характер дискомфорта мало зависел от домашних условий, в которых преподавателям приходилось проводить учебные занятия (см. рис. 13).

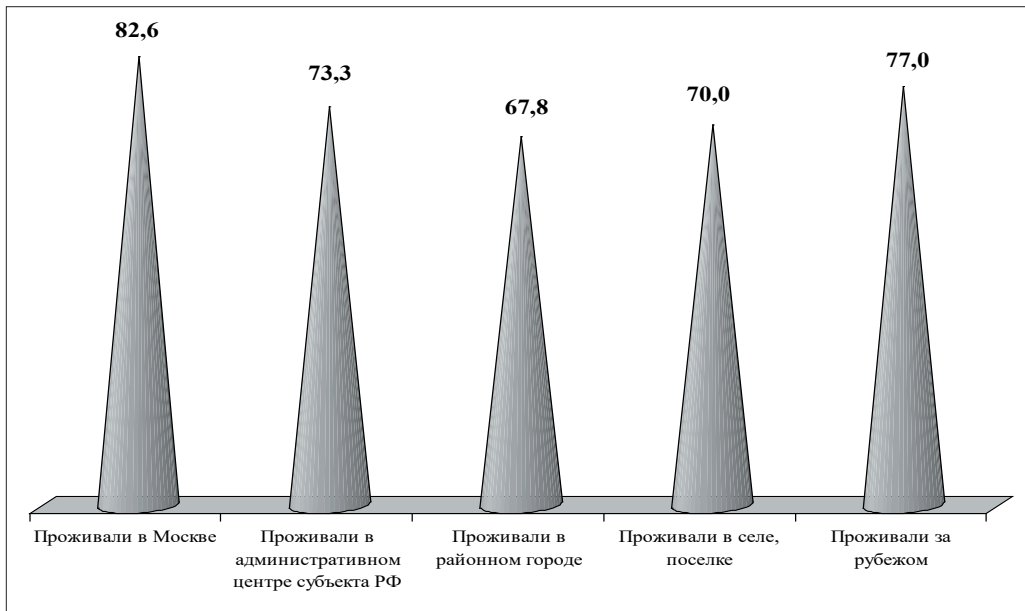

Рис. 12. Доля студентов, для которых нахождение на самоизоляции в поселениях разного типа создавало физические неудобства, %

Fig. 12. Percentage of students for whom self-isolation in settlements of various types created physical inconvenience, %

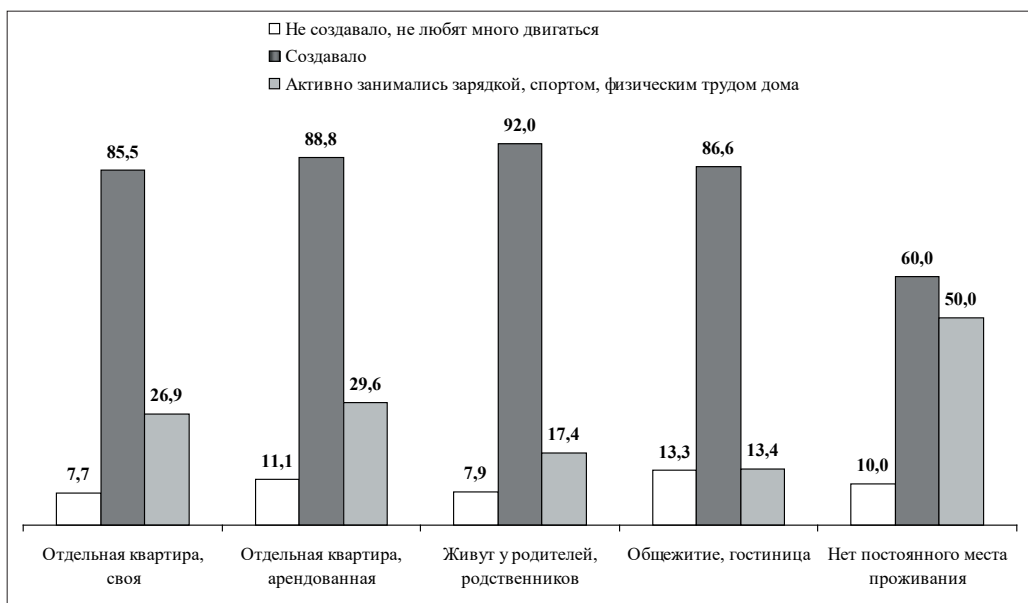

Рис. 13. Мнение преподавателей о том, создавало ли нахождение на самоизоляции физические неудобства, в зависимости от их жилищных условий, %

Fig. 13. The opinion of university lecturers on whether being in self-isolation created physical inconvenience, depending on their living conditions, %

Характер межличностной коммуникации в условиях самоизоляции

Сессионные обязательства студентов их чрезмерно напрягают, когда на пути привычного ритма образовательного процесса встает некий барьер, тем более эпидемия. Студентов раздражает длительность самоизоляции, когда в организации дистанционного обучения имеют место быть технические сбои. В таких случаях психологическое напряжение рисует образ самоизоляции в сознании студентов как непомерно затянувшийся период, а принятые административные меры кажутся чрезмерными. Исследование показало, что вполне адекватными угрозе заражения коронавирусом считали меры самоизоляции 53,4 % студентов технических вузов и в целом приемлемыми для случая эпидемии, хотя опасность заражения считали небольшой — 23,3 %. Таким образом, предпринятые в стране административные меры самоизоляции считали в целом обоснованными 76,7 % студентов технических вузов.

Административные меры, призванные предотвратить распространение коронавируса, считали адекватными опасности заражения 80 % преподавателей технических вузов, в том числе 61 % из них считали эти меры адекватными угрозе заражения коронавирусом.

В условиях самоизоляции у студентов прекратились непосредственные контакты с сокурсниками по учебе и этих контактов не хватало 79,6 % российским студентам, однако очень беспокоило отсутствие контактов с сокурсниками и дискомфорт от этого чувствовали всего 12,9 % студентов (см. рис. 14).

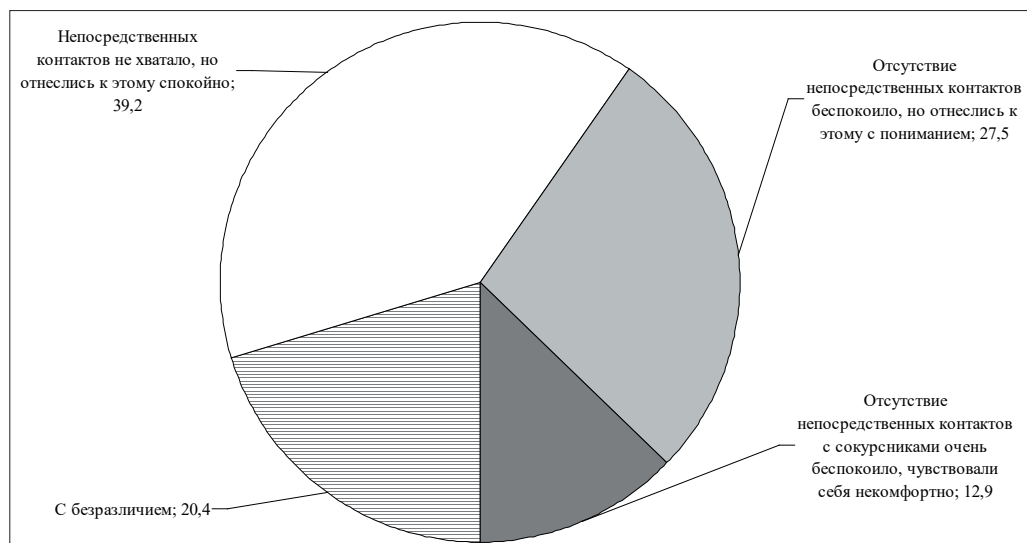

Рис. 14. Характер реагирования студентов на то, что в условиях самоизоляции у них прекратились непосредственные контакты с сокурсниками, %

Fig. 14. The way students react to the fact that in conditions of self-isolation they have stopped direct contacts with fellow students, %

Тяга к непосредственной коммуникации с однокурсниками была характерна для студентов всех курсов, хотя, судя по доле чувствовавших себя из-за этого некомфортно, абсолютное большинство студентов с пониманием отнеслись к вынужденной изоляции от межличностной коммуникации во время эпидемии коронавируса.

Во время самоизоляции непосредственные контакты с сокурсниками были заменены дистанционными контактами, благо современная техника этому активно содействовала. Контакт с сокурсниками по Интернету регулярно поддерживали 93,9 % студентов, по телефону — 33,4 %. Непосредственно встречались с сокурсниками 10,6 % студентов — это проживавшие во время самоизоляции в общежитии. Никаких контактов не поддерживали с сокурсниками 3,5 % студентов.

Обучение студентов в условиях самоизоляции, реализованное в дистанционной форме, оказало влияние на качество усвоения учебного материала и в аспекте технической обеспеченности образовательного процесса, и в аспекте содержательном, т. е. степени подготовленности учебного материала для полноценного доведения осваиваемого предмета до студентов, и в аспекте стресса или переживания студентов и преподавателей по причине наличия всеобщей опасности своему здоровью и здоровью близких.

Среди студентов 59,2 % высказали мнение, что в условиях самоизоляции участие в учебном процессе в целом усложнилось. Более детализированные данные приведены на рисунке 15.

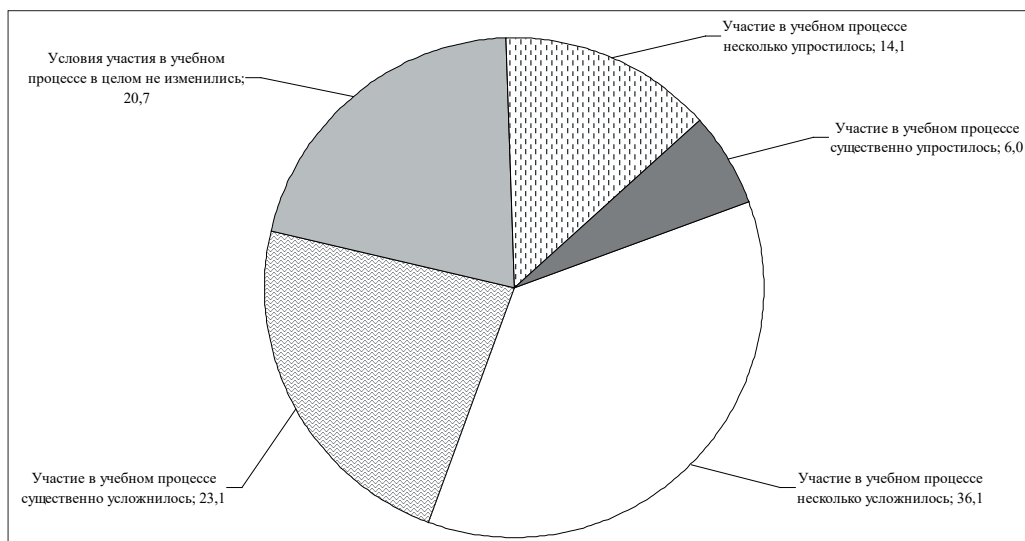

Рис. 15. Характер влияния самоизоляции на участие студентов в учебном процессе, %
Fig. 15. Impact of self-isolation on student participation in the educational process, %

Затруднения в доступе к учебной литературе во время самоизоляции были не очень большими, в основном они касались практических пособий и литературы

по профильным дисциплинам. По мнению большинства опрошенных студентов, учебная литература, как по профильным, так и по естественно-научным и гуманитарным предметам, была удобна для использования в условиях дистанционного обучения (см. рис. 16). Такое мнение характерно для всех студентов технических вузов: обучающихся на бакалавриате, специалитете и в магистратуре.

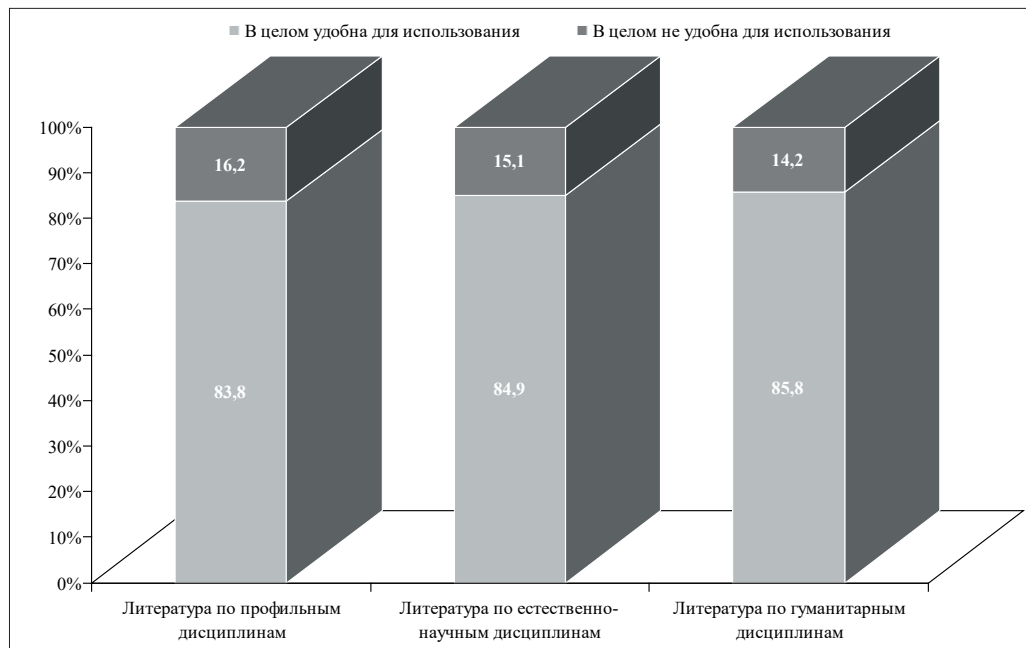

Рис. 16. Мнение студентов об удобности пользования учебной литературой в период дистанционного обучения на самоизоляции, %

Fig. 16. The opinion of students on the convenience of using educational literature during distance learning in self-isolation, %

Результативность образовательного процесса в дистанционном формате большинство преподавателей технических вузов считают невысокой. В частности, по мнению 76,4 % опрошенных преподавателей, переход к дистанционной форме образования оказал негативное влияние на результативность учебного процесса: по мнению 48,9 % преподавателей, условия обучения студентов несколько усложнились, а по мнению 27,6 % — существенно усложнились. Такое мнение наиболее характерно для представителей старше 50 лет (см. рис. 17).

Если обратиться к техническим проблемам, то на усложнение учебного процесса во время самоизоляции жаловались прежде всего те преподаватели, у которых зависали компьютеры из-за слабой мощности и проблем с Интернетом.

У 43,6 % преподавателей имеющаяся компьютерная техника не была унифицирована, что затрудняло налаживание интернет-контакта со студентами в период организации дистанционной связи для проведения занятия.

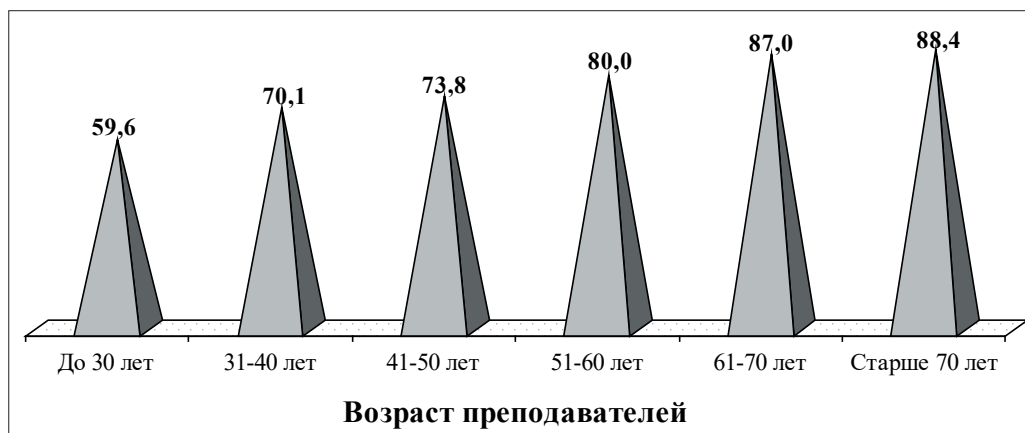

Рис. 17. Доля преподавателей разного возраста, указавших на то, что в период пребывания на самоизоляции участие в учебном процессе усложнилось, %

Fig. 17. Percentage of teachers of different ages who indicated that participation in the educational process became more difficult during the period of self-isolation, %

Трудности проведения дистанционных занятий испытывали прежде всего преподаватели, у которых не было достаточно знаний и навыков для настройки компьютерных программ. По вине технической службы вузов проблемы в налаживании интернет-связи преподавателей со студентами возникали редко. Одна из причин снижения качества обучения в дистанционной форме — отсутствие необходимых учебников в интерактивной форме.

Трудности доведения учебного материала до студентов во время дистанционных занятий возникали прежде всего у преподавателей старшего поколения.

Без интерактивных учебников проводить дистанционно занятия трудно, такие учебники являются основой онлайн-образования. Результативность использования электронных учебников преподаватели оценили на тройку, причем, как по профильным, так и по естественно-научным и гуманитарным дисциплинам.

Среди студентов 47,6 % высказали опасение, что в результате дистанционного обучения не получают качественных знаний по специальности, в том числе у 20,2 % это опасение было значительным (см. рис. 18).

Доля преподавателей, высказавших неудовлетворенность дистанционным обучением и в организационном, и в содержательном плане, в сравнении с очным обучением, составляет 54 %.

Дискуссионные вопросы

Осуществленный анализ результатов лонгитюдного исследования позволяет сделать ряд предположений, в какой-то степени неоспоримых, а в какой-то — носящих форму гипотезы. Так, представляется, что при неоспоримой

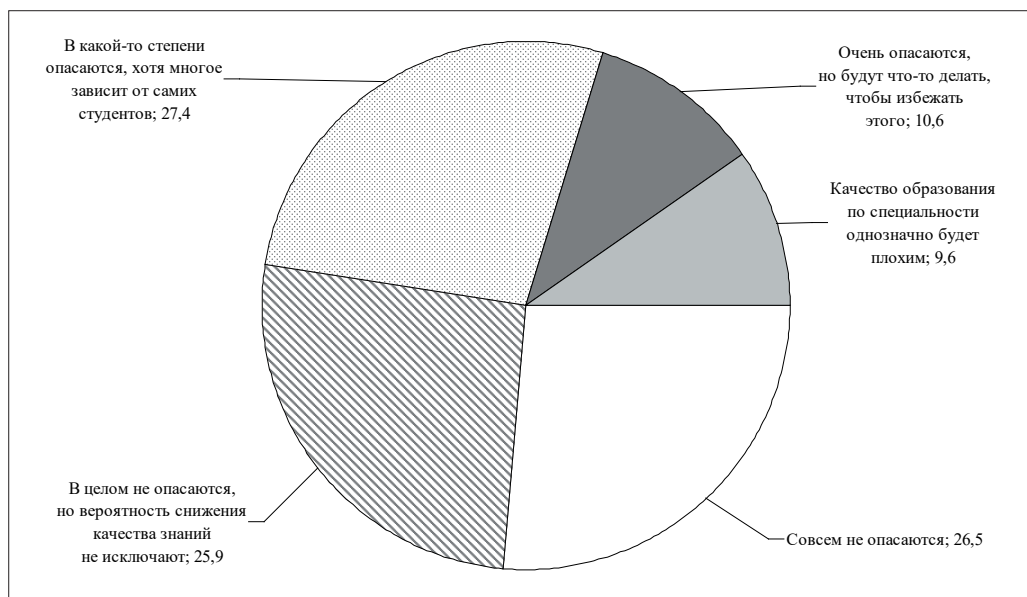

Рис. 18. Опасения российских студентов, что в результате дистанционного обучения они не получат качественного образования по специальности, %

Fig. 18. Fears of Russian students that as a result of distance learning they will not receive a quality education in their specialty, %

экономической рациональности, социальные издержки и определенное противоречие дистанционного образования с социальной политикой государства будут затруднять в ближайшие два-три десятилетия повсеместное внедрение этой формы образования. Такое противоречие наблюдается и в экономически развитых странах мира.

Не исключается директивный переход к дистанционной форме образования в экстремальных ситуациях, в том числе при эпидемии или пандемии. Это вынужденная и чаще всего оперативная форма перехода к дистанционному образованию, в случае которого следует считаться со следующими неизбежными проблемами:

Значительно затрудняется проведение дистанционного обучения отсутствием соответствующих интерактивных учебников. Размещение на сайте оригинал-макета учебника в форме PDF не решает проблему, так как не способно восполнить практические занятия. Для эффективного проведения дистанционного занятия необходим интерактивный учебник, включающий три этапа образовательного процесса: аутентичный текст учебника для освоения студентами теории учебного предмета; эквивалентный теоретическому материалу задачник, при помощи которого студент может самостоятельно проверить, насколько ему удалось усвоить теоретический материал; логистический практикум, содействующий освоению и закреплению студентом практических

умений и навыков. В последнем случае требуется разработка интерактивных компьютерных моделей как минимум в виде тренажера.

Как показало исследование, во многих вузах имеет место быть недостаточная укомплектованность депозитариев учебной и научной литературой, большая часть библиотечного фонда не переведена на электронные носители.

Эффективное проведение дистанционного обучения затруднено также недостаточной технической подготовленностью вузов, части студентов и преподавателей. Во многих случаях в вузах не унифицирована платформа, на базе которой требуется проводить занятия, однако как негативный фактор проявляется и недостаточная компьютерная грамотность акторов дистанционного обучения.

В условиях дистанционного образования сложно организовать производственную практику студентов. Это касается многих специализаций: инженерных, медицинских, аграрных, но даже и социальных, например обучения практическим навыкам социологов, психологов, маркетологов. Владеющий сугубо теоретическими знаниями — это «недооформленный» специалист, который может оказаться ущербным для производства.

В условиях пандемии у части студентов и преподавателей проявляется психологическая фобия, затрудняющая восприятие учебного материала по причине рассеянности внимания.

Проблема, характерная для условий эпидемии, — синдром опасности, ощущаемый сознательно или подсознательно многими студентами и преподавателями. Это органическое следствие эпидемий, закономерность которого доказана исторической практикой (Питирим Сорокин, 2012). Синдром эпидемии, создавая психический дискомфорт, не стимулирует ни студентов, ни преподавателей к концентрации внимания к занятиям.

Правомерен общий вывод: дистанционное образование в условиях форс-мажора, особенно эпидемии, не тождественно дистанционному образованию в нормальных условиях. Психическое самочувствие ни студентов, ни преподавателей не тождественно самочувствию, характерному для обычных условий, когда форс-мажор отсутствует.

Заключение

В связи с тем, что повторение экстремальных ситуаций не исключено, кроме того, как показала практика пандемии COVID-19, такая ситуация может носить затяжной характер (до нескольких лет), важной общегосударственной задачей, относящейся к области национальной безопасности, является совершенствование и оптимизация методов дистанционного обучения.

Как показала практика, в условиях эпидемии не исключена ситуация вынужденной длительной самоизоляции как студентов, так и преподавателей.

В этом случае для участников учебного процесса требуется оперативный дистанционный доступ к учебной и научной литературе. Чтобы обеспечить доступ, в организациях профессионального образования на базе библиотеки целесообразно сформировать *унифицированный* электронный депозитарий учебной и научной литературы, в первую очередь по профильным специализациям.

Вынужденная ускоренная комплектация вузов, а также персонально преподавателей компьютерной техникой, перевод учебной и научной литературы в электронную форму в депозитариях вузовских библиотек позволяет вузам расширить профильные консалтинговые образовательные услуги по запросу работодателей и бывших выпускников. Для осуществления этого целесообразно сформировать депозитарий выпускников как потенциальных потребителей новой научной информации и поддерживать с ними периодический контакт.

Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что в течение длительной самоизоляции по причине эпидемии и студенты, и преподаватели находятся в той или иной степени психического напряжения, которое не менее чем у трети представителей обеих групп перерастает в фобию, сохраняющуюся в течение длительного времени даже после возвращения участников учебного процесса к очной форме обучения.

Основная причина затруднений в восприятии студентами учебного материала в условиях дистанционного обучения — неадаптированность учебников и учебных пособий к электронной форме занятий.

По мнению опрошенных студентов, в случае необходимости длительности самоизоляции дистанционное обучение удобно строить в условиях, когда студенты проживают в кампусе, расположенном в слабоурбанизированной местности.

Согласно данным измерений бюджета времени студентов во время самоизоляции и дистанционного обучения, у них теряется в среднем один месяц учебного времени в течение учебного года. По этой причине требуется пересмотреть учебный план, а также учебную нагрузку преподавателей. Данная проблема является актуальной прежде всего для студентов, обучающихся на коммерческой основе и оплачивающих некоторый объем образовательных услуг.

В период самоизоляции в условиях эпидемии у трети студентов и преподавателей происходит ухудшение физического здоровья, у пятой части — психического. С учетом этого становится актуальным вербальный дистанционный медицинский мониторинг физического и психического состояния студентов и преподавателей, для чего вузам в случае эпидемий целесообразно сформировать мониторинговую группу, включающую медицинских работников и психологов.

Исходя из опыта дистанционного обучения, трудностей, возникших из-за неподходящей формы учебников, вузам целесообразно превентивно приступить

к массовому преобразованию традиционных учебников в интерактивные, соответствующие технологическим и техническим требованиям дистанционного обучения.

Для снятия психологической напряженности в работе преподавателей, для высказывающих желание, а может, в целом и для преподавателей всех профилей в вузах целесообразно оборудовать технически и технологически мобильные аудитории (или переоборудовать все аудитории), куда преподаватели могли бы приезжать для проведения дистанционных занятий при поддержке технической компьютерной службы вуза.

Список источников

1. Никуличева, Н. В. (2021). Педагогическая система дистанционного учебного процесса на примере вуза. *Образовательные технологии*, 4, 49–68.
2. Нагаева, И. А. (2018). *Дистанционные образовательные технологии в современном образовании*. Монография. Москва; Берлин: Директ-Медиа.
3. Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020). Молодежь России в зеркале социологии. *К итогам многолетних исследований* (pp. 16–41). Монография. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Москва. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>
4. Сорокин, Питирим (2012). *Человек и общество в условиях бедствий*. (Сапов, В. В. (перевод с английского); с. 17–24). СПб.: Мирь.
5. Савинков, В. И., Мошкова, Д. М. (2022). *Социология образования: дистанционное образование в условиях экстремальной ситуации*. Монография. Москва: Известия Института педагогики и психологии образования.
6. Шереги, Ф. Э., Кириллов, А. В. (2017). Труд преподавателя вуза: творчество или «выживание»? *Социологические исследования*, 11(403), 87–98. <https://doi.org/10.78%206%208%20/%20S0132162517110101>
7. Кириченко, А. В., Стриханов, М. Н. (2019). WorldSkills International и его место в системе высшего образования. *Высшее образование в России*, 28(11), 117–125. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-117-125>
8. Ключарев, Г. А. (2020). О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей). *Социологические исследования*, 3, 51–59. <https://doi.org/10.31857/S013216250008820-5>
9. Константиновский, Д. Л. (2020). Исследования барьеров в образовании: традиции и развитие. *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник*, 5, 213–218. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Москва. <https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020>
10. Арефьев, А. Л., Арефьев, П. А., Дмитриев, Н. М. (2019). Стратегия России в экспорте образования. *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник*, 4, 388–410. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. Москва. <https://doi.org/10.19181/obrnaukru>
11. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2018). *Young people in Russia and their life plans: Present and future* (pp. 861–88). Handbook of the sociology of youth in BRICS countries. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd. https://doi.org/10.1142/9789813148390_0042

12. Sheregi, F. Savinkov, V., Baklanov, P. (2018). Prospects of interaction between universities and manufacturing companies to stimulate the development of innovative production. *Espacios*, 39, 36.
13. Klyucharev, G. A., Tyurina, I. O., Neverov, A. V. (2017). International experience of techno-parks in the Russian context. *European Research Studies Journal*, 4A, 213–229.
14. Sonnenschein, S., Stites, M. L., Grossman, Ju. A., Galczyk, S. H. (2022). This will likely affect his entire life: Parents' Views of Special Education Services During COVID-19. *International Journal of Educational Research*, 12, 101941. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.101941>
15. Gayatri, M. (2020) The implementation of early childhood education in the time of COVID-19 pandemic: A systematic review. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 8(6), 46–54. <https://doi.org/10.18510/hssr.2020.866>
16. Bonnevie, A., Cyvin, L. J. (2022). Storyline in natural science teacher education — An approach to the coherence between theory and practice. *International Journal of Educational Research Open*, 3, 100104. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2021.100104>
17. Choy, M. W., Yeung, A. S. (2022). Cognitive and affective academic self-concepts: Which predicts vocational education students' career choice? *International Journal of Educational Research Open*, 3, 100123. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2022.100123>
18. Hummelstedt, I. P., Holma, G. I. M., Sahlströmb, F. J., Harriet A.-C. Ziliacusa. (2021). Diversity as the new normal and persistent constructions of the immigrant other — Discourses on multicultural education among teacher educators. *Teaching and Teacher Education*, 108, 103510. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103510>
19. Jensen, R., Ottesen, E. (2022). Unfolding teaching practices in higher education courses: Cases from school leadership programs. *International Journal of Educational Research*, 112, 1019019. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2021.101919>.
20. Adama, T. B., Metljakb, M. (2022). Experiences in distance education and practical use of ICT during the COVID-19 epidemic of Slovenian primary school music teachers with different professional experiences. *Social Sciences & Humanities Open*, 5, 100246. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100246>
21. Villaume, S. C., Stephens, J. E., Nwafor, E. E., Umaña-Taylor, A. J., & Adam, E. K. (2021). High Parental Education Protects Against Changes in Adolescent Stress and Mood Early in the COVID-19 Pandemic. *Journal of Adolescent Health*, 69, 549–556. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2021.06.012>
22. Sirpa Purtilo-Nieminen, Hanna Vuojärvi, Susanna Rivinen, Päivi Rasi. (2021). Student teachers' narratives on learning: A case study of a course on older people's media literacy education. *Teaching and Teacher Education*, 106, 103435. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103432>
23. Gale, L., Bhushan, P., Eidnani, Sh, Graham, L., Harrison, M., L. Mc Kay-Brown, Pande, R., Shreeraman, Sh., Sivashunmugam, Ch. (2022). Overcoming barriers to inclusion in education in India: A scoping review. *Social Sciences & Humanities Open*, 5, 100237. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100237>
24. Álvarez-Huerta, P., Muela, A., Larrea, I. (2022). Disposition toward critical thinking and creative confidence beliefs in higher education students: The mediating role of openness to diversity and challenge. *Thinking Skills and Creativity*, 43, 101003. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2022.101003>

25. Straub, R., Vilsmaier, U. (2020). Pathways to educational change revisited — controversies and advances in the German teacher education system. *Teaching and Teacher Education, 96*, 103140. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2020.103140>

References

1. Nikulicheva, N. V. (2021). Pedagogical system of distance learning process on the example of a university. *Educational technologies, 4*, 49–68. (In Russ.).
2. Nagaeva, I. A. (2019). *Distance educational technologies in modern education*. Monograph. Moscow: Directmedia. (In Russ.).
3. Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2020). The youth of Russia in the mirror of sociology. *To the results of many years of research, 16–41*. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>
4. Sorokin, Pitirim (2012). *Man and society in disasters* (Sapov, V. V. (translated from English); pp. 17–24). St. Petersburg: Mir. (In Russ.).
5. Savinkov, V. I., & Moshkova, D. M. (2022). *Sociology of Education: Distance Education in an Extreme Situation*. Monograph. Moscow: Proceedings of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education. (In Russ.).
6. Sheregi, F. E., & Kirillov, A. V. (2017). The work of a university teacher: creativity or “survival”? *Sociological research, 11*(403), 87–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0132162517110101>
7. Kirichenko, A. V., & Strikhanov, M. N. (2019). World Skills International and its place in the system of higher education. *Higher education in Russia, 28*(11), 117–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-117-125>
8. Klyucharev, G. A. On the training of engineering personnel for science-intensive industries (the view of employers). *Sociological research, 3*, 51–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008820-5.12>
9. Konstantinovskiy, D. L. (2020). Research on Barriers to Education: Tradition and Development. *Education and science in Russia: status and development potential: Yearbook, 5*, 213–218. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/obrnaukru.2020>
10. Arefiev, A. L., Arefiev, P. A., & Dmitriev, N. M. (2019). Strategy of Export of Education. *Education and science in Russia: state and development potential: Yearbook, 4*, 388–410. Moscow: FNISTs RAN. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/obrnaukru ISSN 2658-340215>
11. Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2018). *Young people in Russia and their life plans: Present and future* (pp. 861–88). Handbook of the sociology of youth in BRICS countries. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd. https://doi.org/10.1142/9789813148390_0042
12. Sheregi, F. Savinkov, V., & Baklanov, P. (2018). Prospects of interaction between universities and manufacturing companies to stimulate the development of innovative production. *Espacios, 39*, 36.
13. Klyucharev, G. A., Tyurina, I. O., & Neverov, A. V. (2017). International experience of techno-parks in the Russian context. *European Research Studies Journal, 4A*, 213–229.
14. Sonnenschein, S., Stites, M. L., Grossman, Ju. A., & Galczyk, S. H. (2022). This will likely affect his entire life: Parents’ Views of Special Education Services During

COVID-19. *International Journal of Educational Research*, 12, 101941. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.101941>

15. Gayatri, M. (2020) The implementation of early childhood education in the time of COVID-19 pandemic: A systematic review. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 8(6), 46–54. <https://doi.org/10.18510/hssr.2020.866>

16. Bonnevie, A., & Cyvin, L. J. (2022). Storyline in natural science teacher education — An approach to the coherence between theory and practice. *International Journal of Educational Research Open*, 3, 100104. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2021.100104>

17. Choy, M. W., & Yeung, A. S. (2022). Cognitive and affective academic self-concepts: Which predicts vocational education students' career choice? *International Journal of Educational Research Open*, 3, 100123. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2022.100123>

18. Hummelstedt, I. P., Holma, G. I. M., Sahlströmb, F. J., & Harriet A.-C. Zilliacusa. (2021). Diversity as the new normal and persistent constructions of the immigrant other — Discourses on multicultural education among teacher educators. *Teaching and Teacher Education*, 108, 103510. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103510>

19. Jensen, R., & Ottesen, E. (2022). Unfolding teaching practices in higher education courses: Cases from school leadership programs. *International Journal of Educational Research*, 112, 1019019. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2021.101919>.

20. Adama, T. B., & Metljakb, M. (2022). Experiences in distance education and practical use of ICT during the COVID-19 epidemic of Slovenian primary school music teachers with different professional experiences. *Social Sciences & Humanities Open*, 5, 100246. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100246>

21. Villaume, S. C., Stephens, J. E., Nwafor, E. E., Umaña-Taylor, A. J., & Adam, E. K. (2021). High Parental Education Protects Against Changes in Adolescent Stress and Mood Early in the COVID-19 Pandemic. *Journal of Adolescent Health*, 69, 549–556. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2021.06.012>

22. Sirpa Purtilo-Nieminen, Hanna Vuojärvi, Susanna Rivinen, & Päivi Rasi. (2021). Student teachers' narratives on learning: A case study of a course on older people's media literacy education. *Teaching and Teacher Education*, 106, 103435. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2021.103432>

23. Gale, L., Bhushan, P., Eidnani, Sh, Graham, L., Harrison, M., L. Mc Kay-Brown, Pande, R., Shreeraman, Sh., & Sivashunmugam, Ch. (2022). Overcoming barriers to inclusion in education in India: A scoping review. *Social Sciences & Humanities Open*, 5, 100237. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100237>

24. Álvarez-Huerta, P., Muela, A., & Larrea, I. (2022). Disposition toward critical thinking and creative confidence beliefs in higher education students: The mediating role of openness to diversity and challenge. *Thinking Skills and Creativity*, 43, 101003. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2022.101003>

25. Straub, R., & Vilsmaier, U. (2020). Pathways to educational change revisited — controversies and advances in the German teacher education system. *Teaching and Teacher Education*, 96, 103140. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2020.103140>

Статья поступила в редакцию: 08.01.2022;
одобрена после рецензирования: 15.02.2022;
принята к публикации: 03.03.2022.

The article was submitted: 08.01.2022;
approved after reviewing: 15.02.2022;
accepted for publication: 03.03.2022.

Информация об авторах:

Владимир Ильич Савинков — доктор социологических наук, доцент, профессор факультета управления, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,

visavinkov@senat.gov.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1544-1605>

Дарья Михайловна Мошкова — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой налогового права, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия,

d.m.moshkova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0546-3050>

Information about authors:

Vladimir I. Savinkov — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Faculty of Management Russian State Social University, Moscow, Russia,

visavinkov@senat.gov.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1544-1605>

Daria M. Moshkova — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Tax Law, Professor of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,

d.m.moshkova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0546-3050>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.